

Однажды бабушка Касперля сидела на скамейке возле своего домика на солнышке и молола кофе. Касперль и его друг Сеппель подарили ей на день рождения новую кофемолку собственного изобретения. Если крутить рукоятку, то кофемолка играла «Всё обновляет май...» — это была бабушкина любимая песня.

С тех пор как бабушка обзавелась новой кофемолкой, она так наслаждалась самим процессом молки, что пила теперь в два раза больше кофе, чем раньше. Вот и сегодня она уже во второй раз заполнила кофемолку и только хотела повернуть ручку, как вдруг раздался шум и треск в кустах в саду, и грубый голос прокричал: «Давай сюда кофемолку!»

Бабушка удивлённо подняла глаза и поправила своё пенсне. Перед ней стоял незнакомый мужчина

с растрёпанной чёрной бородой и ужасным крючковатым носом. На голове у него была шляпа с широкими полями, в которую было воткнуто кривое перо. В правой руке он держал пистолет.

— Давай сюда, я сказал!

Но бабушка не испугалась.

— Позвольте! — воскликнула она возмущённо. — Как вы вошли сюда и что вы на меня так кричите? Кто вы, собственно говоря, такой?

Тогда незнакомец громко рассмеялся:

— Вы, наверное, не читаете газет, бабушка? Подумайте же хорошенько!

Только теперь бабушка увидела, что за широким кожаным поясом незнакомца торчали сабля и семь ножей. Тогда она побледнела и, испугавшись, спросила:

— Вы, случайно, не разбойник Хотценплотц?

— Это я! — сказал человек с семью ножами. — Не валяйте дурака, я этого не люблю. Сейчас же отдайте мне кофемолку!

— Но она вам вовсе не принадлежит!

— Вздор! — крикнул разбойник Хотценплотц. — Пожалуйста, делайте то, что я от вас требую! Считаю до трёх... И он поднял пистолет.

— О, пожалуйста, не надо! — сказала бабушка. — Вы не должны отнимать у меня кофемолку! Я получила её в подарок на день рождения. Когда крутишь ручку, она играет мою любимую песню.

— Именно поэтому! — прорычал разбойник Хотценплотц. — Я тоже хочу иметь такую кофемолку,

которая играет песню, когда крутишь ручку. Отдайте же мне её!

Тогда бабушка глубоко вздохнула и подчинилась. Что же ей ещё оставалось делать?

Каждый день в газете можно было прочитать о том, какой злой человек был этот Хотценплотц. Все люди ужасно боялись его, даже господин Димпфельмозер, унтер-офицер полиции.

— Давно бы так. — И, довольно крякнув, Хотценплотц спрятал бабушкину кофемолку в свою дорожную сумку и сказал: — Теперь слушайте меня внимательно! Сейчас вы остаётесь сидеть здесь на скамейке и не двигаетесь с места. При этом вы тихо считаете до девятисот девяноста девяти.

— Почему? — спросила бабушка.

— Потому! — отвечал Хотценплотц. — Когда вы досчитаете до девяносто девяти, вы можете звать на помощь. Но ни на одно мгновение раньше, иначе вам не поздоровится! Понятно?

— Понятно, — прошептала бабушка.

— И не пытайтесь хитрить! — разбойник Хотценплотц на прощание помахал у неё перед носом своим пистолетом.

Потом он перелез через забор сада и исчез.

Бабушка Касперля сидела на скамейке перед домиком белая как мел и дрожала. Разбойник исчез, и кофемолка тоже исчезла. Прошло немало времени, пока бабушка наконец-то смогла начать считать. Раз, два, три, четыре... Но из-за волнения она так часто сбивалась со счёту, что должна была, по крайней мере, дюжину раз начинать считать снова. Когда же она, наконец, дошла до девяносто девяти, то издала пронзительный крик: «Помогите!» И тотчас упала в обморок.

Касперль и его друг Сеппель были у булочника и купили пакет муки, немного дрожжей и два фунта сахара. Теперь они хотели ещё зайти в молочную и купить сладких сливок. Завтра воскресенье, а по воскресеньям у бабушки был сливовый торт со взбитыми сливками. Касперль и Сеппель предвкушали радостное событие целую неделю.

— Знаешь что? — сказал Касперль. — Я бы хотел стать императором константинопольским!

— Как так, почему? — спросил Сеппель.

— Потому что тогда бы я каждый день мог есть сливовый торт со взбитыми сливками!

— Неужели император константинопольский каждый день ест сливовый торт со взбитыми сливками?

Касперль пожал плечами:

— Этого я не знаю. Но я — если бы был императором константинопольским — я бы это делал определённо!

— Я тоже! — вздохнул Сеппель.
— Ты тоже? — спросил Касперль. —
Я боюсь, так не пойдёт!
— Но почему же?
— Потому что есть только один
император константинопольский, а не
два! И если я являюсь императором
константинопольским, то ты уже не
можешь им быть.

— Гм... тогда мы должны были бы меняться. Ты одну неделю — и я одну неделю!

— Совсем неплохо! — согласился Касперль. — Совсем неплохо!

Но вдруг их разговор прервал крик о помощи.

— Слышал? — спросил Сеппель испуганно. — Это бабушка.

— Да, это её голос! — сказал Касперль. — Что там могло произойти?

— Скорее, пойдём узнаем!

Касперль и Сеппель повернулись и побежали домой. К калитке бабушкиного сада они успели одновременно с унтер-офицером полиции Димпфельмозером. Он тоже поспешил сюда, услышав чей-то крик о помощи. Около калитки образовалась толча.

— Вы мешаете выполнять мои служебные обязанности, а это карается законом! — проворчал унтер-офицер.

Он быстро последовал за Касперлем и Сеппелем. В саду они нашли бабушку, неподвижно лежащую на газоне.

— Неужели дело совсем плохо? — спросил Сеппель и закрыл глаза ладонями.

— Нет, — сказал Касперль, — я думаю, она просто лишилась чувств.

Они осторожно перенесли бабушку в дом и положили на софу. Касперль побрызгал ей на лицо холодной водой, и она пришла в чувство.

— Представьте себе, что случилось! — сказала бабушка.

— Что? — спросили Касперль и Сеппель.

— Меня обокрали!

— Что вы говорите! — воскликнул унтер-офицер. — Вас обокрали? Кто же это был?

— Разбойник Хотценплотц!

— Постойте, я должен занести это в протокол!

Унтер-офицер вынул свой карандаш и открыл записную книжку.

— Докладывайте всё по порядку, бабушка! Но говорите только правду и не слишком быстро, чтобы я мог всё записать. А вы оба, — он повернулся к Касперлю и Сеппелю, — ведите себя тихо как мышки, пока мы не закончим с протоколом, так как это официальное служебное действие! Это понятно?

Итак, бабушка рассказала всё, что с ней случилось, а унтер-офицер Димпфельмозер записал всё это с важной миной в свою записную книжку.

— Получу ли я свою прекрасную новую кофемолку назад? — спросила бабушка, когда он наконец закончил писать.

— Разумеется, — ответил унтер-офицер.

— И долго ли мне этого ждать?

— Ну, это трудно сказать. Мы, конечно, должны когда-то поймать разбойника Хотценплотца. Но пока мы, к сожалению, даже не знаем, где его убежище. Этот парень такой пройдоха. Уже два с половиной года он водит полицию за нос. Но и его проискам однажды будет положен конец! При этом мы не в последнюю очередь надеемся на активную помощь населения.

— Что это означает?

— Это значит, что люди должны помочь нам напасть на след этого парня!

— Аха! — сказал Касперль. — А полиции поможет, если кто-нибудь его поймает?

— Это было бы, конечно, лучшим вариантом, — заверил унтер-офицер Димпфельмозер и подкрутил свои усы. — Но как ты думаешь, кто решится на это опасное дело?

— Мы оба! — сказал Касперль. — Сеппель и я! Ты согласен, Сеппель?

— Ясное дело! — ответил Сеппель. — Полиции нужно помочь: мы поймем разбойника Хотценплотца!

Но поймать разбойника — не такое простое дело.

